

ДОГМАТИКА ОСНОВНЫХ ПРАВ ПО КОНСТИТУЦИИ РОССИИ 1993 ГОДА

Аннотация. Догматика как самый технический слой юридической науки обеспечивает действенность правопорядка. В контексте конституционно-правового института основных прав и свобод догматика играет особую роль. Её целью, во-первых, является отграничение просто писаного закона, декларированного законодателем, от живого права, востребованного чиновниками и, особенно, судебским корпусом. Второй целью конституционно-правовой догматики основных прав и свобод является проверка того или иного основного права на его функциональность, т.е. пригодность служить инструментом в руках уполномоченных органов для защиты публичных субъективных прав.

Реализация исследовательских задач была достигнута на основе сравнительного анализа зарубежных концепций (Франция и Германия) и отечественной конституционно-правовой доктрины основных прав и свобод с привлечением международно-правового подхода в части сопоставления режима субсидиарности во внутреннем и международном праве, соответственно. Методологический потенциал включает формально-юридический, систематический и сравнительный метод.

Исследованы понятийное содержание и сфера действия основных прав и свобод в рамках соответствующего каталога Конституции России 1993 г. Выявлена генетическая связь данного каталога с зарубежными концепциями (Франция и Германия) конституционных прав и свобод. Установлена открытость указанного каталога для анализа в терминах догматики конституционного права Германии. Вскрыта структурная неоднородность основных прав, которые могут выступать в четырёх видах: принцип, стандарт, гарантия и субъективное право в узком смысле.

Традиционная для Франции и России классификация деления основных прав и свобод по поколениям не предоставляет строгого критерия для разграничения этих прав. Так, социально-экономические права как «второе поколение» начали формироваться самостоятельно до того, как закончилось оформление прав «первого поколения». Особое значение для реализации прав «третьего поколения» (например, права на благоприятную окружающую среду) имеет режим взаимодействия международного и внутреннего права.

Ключевые слова: Конституция России, права и свободы, избирательные права, социально-экономические права, социокультурные права, экологические права.

DOGMATIC OF FUNDAMENTAL RIGHTS ACCORDING TO THE CONSTITUTION OF RUSSIA IN 1993

Abstract. Legal dogmatic is regarded as the most technical upper slice of jurisprudence, which is there for maintaining the actuality of law as a real social force. Especially, dogmatic of constitutional rights is of paramount importance as a necessary part of constitutional law. Dogmatic of constitutional rights serves, first of all, as a means of discriminating between a positive law, simply declared by the legislator, and law in action, which is used by officials and judges of the country. The second goal of the said dogmatic is analysis of a singled-out right in

order to test its functionality as a means for safe-guarding human rights in the hands of appropriate public bodies and officials.

The investigation tasks were achieved based on analysis of foreign conceptions (France and Germany) of human rights as compared with the constitutional law doctrine of human rights in this country. The international law approach was involved as far as subsidiarity regime both in national and international legal orders are concerned. Methodology of investigation includes normativity method together with systematic and comparative methods.

The meaning and application scope of various basic rights chartered in the Russian Constitution of 1993 were researched. The genetic ties with conceptions of constitutional rights in France and Germany were made clear. It was established that the Russian catalogue of human rights lends itself to interpretation via dogmatic of German constitutional law. The structural heterogeneity of basic rights was discovered. Those rights may appear in four disguises – as principles, standards, guarantees and rights in the strict sense.

The traditional classification of human rights according to the so called generations, especially in France and Russia does not present a strict criterion for their delimitation. For example, socio-economic rights (=the second generation) appeared as an independent category of human rights before the first generation had been thoroughly established. Of paramount importance is the coordination regime of realization of national and international legal norms as far as the third generation of human rights is concerned.

Key words: the Constitution of Russia, rights and freedoms, electoral rights, social and economic rights, social and cultural rights, environmental rights.

В современной России так же, как и во Франции [8] основные права и свободы нередко рассматривают в контексте взаимодействия международного и внутреннего права и часто разграничивают хронологически, т.е. по поколениям прав [9]. В первое поколение включают исторически случайный набор т.н. гражданских и политических прав. При этом вопрос о соотношении первых со вторыми обычно не анализируются.

Так, свободу доступа граждан к той или иной должности в системе публичной администрации можно рассматривать как политическое право в части политических мотивов предоставления такой преференции собственным гражданам, которая остается недоступной для иностранцев и апатридов. Однако в контексте соотношения указанной свободы с субъективным избирательным правом политический момент свободы доступа граждан на государственную службу существенно скрадывается: ведь согласно известной аксиоме служебного права государственный служащий по определению находится на службе государства, а не какой-то отдельной политической партии, объединения работодателей или профсоюза.

К первому поколению, прежде всего, относят субъективные избирательные права для всех граждан. Эти права долгое время оставались сословными и еще дольше «гендерными»: ведь женщины в Европе окончательно приобрели избирательные права лишь в начале XX в. Далее в первую группу также входят права, задекларированные французской Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. (например, право частной собственности, свобода мнений, ассоциаций).

Второе поколение включает в себя социально-экономические права (например, право на пенсию по нетрудоспособности или по возрасту, право на пособие по безработице и т.п.). Абсолютной границы между первым и вторым поколением основных прав не может быть не только в хронологическом, но и в содержательном плане. Например, пособие по безработице в качестве реальной выплаты национальных денежных знаков или в качестве средств на социальной карточке в банке можно рассматривать в терминах права частной собственности, поскольку такое пособие всегда привязано к конкретному индивиду, и никто кроме него не может на него претендовать.

Сама идея социально-экономических прав возникла задолго до того, как суфражистки добились окончательного признания избирательных прав для женщин со стороны либеральных западноевропейских государств. Другими словами, категория социально-экономических прав начала формироваться до того, как окончательно оформилась идея всеобщего избирательного права внутри первого поколения основных прав и свобод. В частности, Отто фон Бисмарк ещё в середине XIX в. по результатам своих тайных бесед с Фердинандом Лассалем пришел к выводу о необходимости социального законодательства для пролетариата.

Соответственно, Бисмарк прозорливо опознал и политическую компоненту социально-экономических прав: лучше провести социально-экономическую реформу сверху («белая революция»), чем провоцировать «революцию красную» снизу. Однако взгляды Бисмарка ещё во многом определялись идеологией полицейского, а именно патерналистского государства, которое осуществляет бенефиции для своих подданных не потому, что за ними законодательно закреплены те или иные правопритязания, а потому, что указанные бенефиции соответствуют государственным интересам.

Как таковые, т.е. как правопритязания граждан в отношении государства, социально-экономические права впервые приобрели конституционный статус в Веймарской конституции 1919 г. Однако широкое распространение эта группа основных прав получила в конституциях, которые были приняты после Второй мировой войны (Конституция Италии 1947 г., Конституция Франции 1946 г., Конституция Франции 1958 г. и т.д.).

По формальному критерию в части конституционного закрепления социально-экономических прав можно было бы говорить о приоритете большевистской России (Конституция 1918 года), а не Веймарской конституции 1919 г. Однако, во-первых, в указанной конституции России закреплялись лишь «права трудящихся» в том смысле, что эти права объективно октроировались носителям идеологически правильного (рабоче-крестьянского) происхождения. Остальные лица по этой же конституции приобретали статус «лишенцев» [5].

Парадокс, в частности, заключался в том, что лишенцы были обязаны трудиться, поскольку исчезла как «свобода на труд», так и «свобода от труда»: труд на благо общества перестал быть свободой труда в рамках классического каталога основных прав, а превратился в универсальную обязанность. При этом большевистское государство само решало, где и за какое вознаграждение лишенцы должны были работать. Нередко таким вознаграждением было обещание личной свободы, скажем, через 10 лет труда в исправительных лагерях.

Во-вторых, режим взаимодействия конституционных прав с органами государственной власти в либеральном или, тем более, правовом государстве существенно отличается от режима их взаимодействия с органами тоталитарного государства, в котором к тому же всё государственное управление находилось под жёстким контролем единственной политической партии [7]. Иначе говоря, в реалиях советского, а точнее, партийно-номенклатурного государства ни один гражданин не мог подать иск в суд на представителя государственной власти как такового.

К третьему поколению относится специфическая группа социокультурных, а также экологических прав, например, таких, как право получить среднее образование на родном языке или право на благоприятную окружающую среду. Основные права третьего поколения расщепляются на два уровня:

- 1) уровень subsidiarity в рамках внутреннего права;
- 2) уровень subsidiarity в рамках международного права.

Например, указанное право представителя этнического меньшинства получить среднее образование на родном языке технически – без особых проблем – может быть урегулировано нормами внутреннего права. Здесь subsidiarity центральной власти обычно функционирует в негативном режиме, т.е. в режиме

воздержания от интервенции. Однако при необходимости принцип субсидиарности переходит в активный режим, например, при нехватке педагогических кадров, владеющих указанным языком. В таком случае центральное правительство обязано выделить финансовые, организационные и материальные средства для ликвидации такой нехватки.

Напротив, в сфере международного права, например, в части обеспечения каждому гражданину его права на благоприятную окружающую среду, режим субсидиарности, интервенции международного права в сферу действия внутреннего права часто затруднён. В случае нарушения каким-либо государством права на благоприятную окружающую среду возникает ряд принципиальных вопросов:

1. Закрепляет ли государство в своей конституции такое право или нет?
2. Если да, то признаёт ли данное государство приоритет международного правопорядка над национальным?
3. Если да, каковы допустимые границы интервенции международного правопорядка в сферу национальной юрисдикции, какие международные структуры могут вмешиваться и может ли такое вмешательство быть делегировано органам какого-либо государства или коалиции государств?

Ни на один из этих вопросов, особенно на третий, до сих пор нет внятного ответа и, тем более, международно-правового консенсуса. Как бы то ни было, государству легче воздерживаться от выбросов, угрожающих состоянию окружающей среды, чем в одиночку устранять последствия таких иммиссий (ср. трансграничные последствия аварии на Чернобыльской АЭС для современной России и Белоруссии).

Можно утверждать, что в трансграничную группу основных прав третьего поколения по преимуществу включены права солидарности [2], а именно, право на мир, т.е. отсутствие войны, право на личное развитие и, разумеется, уже указанное право на здоровую окружающую среду. В основе указанной категории основных прав лежит убеждение в том, что глобализация все больше и больше становится не только планетарным, но и «глобальным» явлением, которое захватывает не только целые нации и континенты, но и отдельные территориальные коллективы, и соответственно, отдельного человека с его повседневными потребностями.

Существует в отечественной доктрине прав человека и иная концепция, которая конкурирует с вышерассмотренной («международно-правовой») классификацией. Более того, в российской науке конституционного права она является господствующей и делит основные права на следующие группы: личные права, политические права, неполитические права (социально-экономические и культурные). Некоторые авторитетные отечественные юристы считают эту классификацию универсальной, т.е. характерной для юридической науки вообще. Так, профессор М.В. Баглай утверждает, что права и свободы традиционно делятся в науке на три группы: 1) личные; 2) политические; 3) экономические, социальные и культурные» [3].

С ним в принципе согласен профессор С.А. Авакьян: «Основные, т.е. закрепленные в Конституции, права, свободы и обязанности могут быть классифицированы, т.е. объединены (поделены) на определенные группы. В основе таких классификаций находятся воззрения на личность, её предназначение в обществе и государстве /.../ Обобщая сказанное, основные (конституционные) права и свободы человека и гражданина теперь можно разделить на следующие группы:

- 1) основные личные права и свободы;
- 2) основные публично-политические права и свободы;
- 3) основные экономические, социальные и культурные права и свободы» [1].

Главная проблема этой классификации кроется в ее нелогичности. Если мы выделяет некую группу прав в качестве «личных», то отсюда логически следует, что все остальные группы в рамках предложенной классификации должны рассматриваться как «неличные права». Сама по себе категория «неличного права»

не столь абсурдна, как это может показаться сторонникам индивидуалистической трактовки основных прав. Например, «право на охоту» внутри традиционного, скажем, патриархального сообщества, не может быть личным, но может проявить себя как настоящее право, которое при необходимости будет защищаться всем сообществом против посягательств на это право со стороны всевозможных аутсайдеров.

Смущает другое: в буржуазно-либеральной конституции России 1993 г. политические права и социально-экономические права оказываются «неличными правами». Ясно, что в контексте либерализма трудно представить какое-либо конституционное право в качестве неличного права. Например, оставаясь в рамках либеральной идеологии, трудно объяснить сущность «субъективного избирательного права» в терминах неличного права.

Такое объяснение легко можно предложить в терминах руссоизма, т.е. тоталитарной демократии в том смысле, что индивидуальный избиратель должен уловить императивы «общей воли нации», которой он должен подчинить свою волю индивидуального избирателя. Не надо быть либералом, чтобы осознать возможные последствия такой тоталитарной демократии: если «общая воля нации» повелевает всем этническим французам, например, исповедовать гуманизм как религию, обожествляющее человечество вместо католицизма и ислама, то их индивидуальные протесты против такого повеления не имеют никакой политической силы.

Идеологическим и юридическим препятствием для подобной деградации политических прав в права неличные является, прежде всего, принцип человеческого достоинства [6]. Напомним, что ч. 1 ст. 21 Конституции РФ 1993 г. гласит: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [4]. В таком контексте все закрепленные конституцией основные права и свободы могут принадлежать только физическим лицам или – что является предметом дискуссий – юридическим лицам (национального) частного права.

Категория социально-экономических прав гораздо лучше вписывается в парадигму «неличных прав», поскольку эта категория является идейным продуктом социализма и, следовательно, солидаризма, а не либеральной идеологии. Нет логического препятствия в том, чтобы социально-экономические права рассматривать как социально-экономическую характеристику определенной группы (студентов, учителей, врачей, полицейских, одиноких родителей, многодетных родителей, инвалидов, пенсионеров и т.п.). Юридически личность в её уникальном качестве вообще является избыточной категорией, поскольку то или иное социально-экономическое право реализуется вовсе не в отношении некоего Петра Иванова как такового, а в отношении студента Петра Иванова, не в отношении Антона Ивановича Петрова как такового, а в отношении пенсионера Антона Ивановича Петрова.

Выводы. Каталог основных прав и свобод по Конституции России 1993 г. можно анализировать не только в контексте «французской» концепции поколений прав человека, но и в контексте германской догматики основных прав и свобод. Так, гарантированные российской Конституцией права человека можно анализировать в терминах трех базовых функций каталога основных прав и свобод:

- функция свободы индивида от внешнего вмешательства;
- функция равенства субъектов права по закону и праву;
- функция соучастия граждан в предоставлениях со стороны правового государства (например, судебная защита) и со стороны социального государства (например, пенсия по выслуге лет).

При таком подходе каждое закрепленное в конституции основное право будет по преимуществу выполнять либо функцию свободы, либо функцию равенства, либо функцию соучастия. Разумеется, между этими функциями нет непреодолимого барьера. Например, субъективное избирательное право одновременно

реализует и функцию свободы (могу вообще не голосовать, а если голосую, то за того, кто мне нравится) и функцию равенства (у всех избирателей равное количество голосов).

Во-вторых, гарантированные российской Конституцией права человека можно рассматривать с точки зрения их нормативной «плотности» или «жесткости». В таком случае среди основных прав следует различать четыре вида: принцип, стандарт, гарантию и субъективное право в узком смысле. Между этими категориями существует возрастающая степень определенности и строгости.

Соответственно, принцип представляет собой весьма аморфное руководящее начало (например, принцип человеческого достоинства). Стандарт отличается от принципа гораздо большей степенью формализации и определенности (например, свобода научного творчества или свобода преподавания). Гарантия обеспечивает конституционную неприкосновенность определенных в конституции социально-правовых институтов (независимая судебная система, прокурорский надзор, бесплатное среднее образование и т.п.). Наконец, субъективное право в узком смысле отличается от принципа, стандарта и (институциональной) гарантии наибольшей степенью формализации и определенности (например, право на образование). Если субъективное право всегда персонифицировано, т.е. привязано к определенному субъекту, которому дозволено защищать только собственное личное право, а не права других лиц, то гарантия, стандарт и принцип, будучи объективными ценностями правопорядка, подлежат защите как таковые.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: В 2-х т. Т. 1 / С.А. Авакьян. — М. : Юрист, 2005. — 719 с.
2. Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности / И.А. Алебастрова. — М. : Проспект, 2016. — 552 с.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации / М.В. Баглай. — М. : Норма, . 2007. — 784 с.
4. Гриценко Е.В. Роль конституционного суда в обеспечении прямого действия Конституции в Германии и России / Е.В. Гриценко // Журнал конституционного правосудия. — 2013. — № 1. — С. 14–29.
5. Денисов А.И., Кириченко М.Г. Советское государственное право / А.И. Денисов, М.Г. Кириченко. — М. : Госюриздат, 1957. — 335 с.
6. Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. Идея человеческого достоинства в политико-правовых доктринах и праве / С.А. Дробышевский, Т.В. Протопопова. — Красноярск: ИПК СФУ, 2009. — 160 с.
7. Кара-Мурза С.Г. История советского государства и права / С.Г. Кара-Мурза. М. : Былина, 1998. — 325 с.
8. Королев С.В. Романская концепция основных прав / С.В. Королев // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук в высшей школе. Сб. науч. трудов / науч. ред. И.И. Широкоград, Б.П. Болдырев. — М. : ГУЗ, 2010. — 104 с.
9. Лукашова Е.А. Права человека / Е.А. Лукашова. — М. : Норма, ИНФРА-М. — 2011. — 560 с.

REFERENCES

1. Avak'ian S.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs: ucheb. posobie: V 2-kh t. T. 1* [Constitutional law of Russia. Manual. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Iurist Publ., 2005, 719 p.
2. Alebastrova I.A. *Konstitutsionalizm kak pravovoe osnovanie sotsial'noi solidarnosti* [Constitutionalism as legal ground of social solidarity]. Moscow, Prospekt Publ., 2016, 552 p.
3. Baglai M.V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation]. Moscow, Norma Publ., 2007, 784 p.

4. Gritsenko E.V. The role of constitutional courts in ensuring the direct effect of the Constitution in Germany and Russia. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia = Journal of Constitutional Justice*, 2013, no. 1, pp. 14–29 (in Russian).

5. Denisov A.I., Kirichenko M.G. *Sovetskoe gosudarstvennoe pravo* [Soviet state law]. Moscow, Gosizurizdat Publ, 1957, 335 p.

6. Drobyshevskii S.A., Protopopova T.V. *Ideia chelovecheskogo dostoinstva v politiko-pravovykh doktrinaх i prave* [The idea of human dignity in political and legal doctrines and the right]. Krasnoyarsk, IPK SFU Publ., 2009, 160 p.

7. Kara-Murza S.G. *Istoriia sovetskogo gosudarstva i prava* [History of the Soviet state and right]. Moscow, Bylina Publ., 1998, 325 p.

8. Korolev S.V. *Romanskaia kontseptsiiа osnovnykh prav* [The Romance concept of basic rights] Aktual'nye problemy prepodavaniia gumanitarnykh nauk v vysshei shkole. Sb. nauch. trudov [Current problems of teaching the humanities at the higher school. Collection of scientific works]. Moscow, GUZ Publ., 2010, 104 p.

9. Lukasheva E.A. *Prava cheloveka* [Human rights]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2011, 560 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рузляев Михаил Юрьевич — аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: ruzlyaeв@gmail.com.

AUTHOR

Ruzliaev Mikhail Iur'evich — Postgraduate Student, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: ruzlyaeв@gmail.com.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Рузляев М.Ю. Догматика основных прав по Конституции России 1993 года / М.Ю. Рузляев // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2017. — Т. 5, № 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ruzliaev M. Iu. Dogmatic of fundamental rights according to the constitution of Russia in 1993. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2017, vol. 5, no. 4, available at: <http://esj.pnzgu.ru> (In Russian).